
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАРИНЕ ЯРАЛЯН

Русский философ Николай Бердяев считал, что единственным путем познания вселенной является путь антропологический, который предполагает исключительное человеческое самосознание¹. Именно поэтому все попытки познать внешний мир, всю окружающую нас действительность невозможны без погружения вглубь человека. И именно поэтому философия на протяжении всей своей истории держит проблему человеческого самосознания, человеческого самопознания и человеческого Я в фокусе внимания. В философской литературе вся представленная проблематика изложена в контексте "концепции идентичности", которая в силу своей обязательности и одновременно неотчетливости продолжает оставаться объектом многочисленных исследований и сохраняет свою актуальность в деле выработки "технологий" этого всепроникающего и неуловимого Я. По этому поводу вспоминаются слова Поля Валери, которые передают всю загадочность феномена идентичности: "То, что наиболее истинно в индивидуе, то, в чем он больше всего является Самим Собой, есть его *возможное*, выявляемое историей его весьма неопределенно..."².

Вполне естественно, что все структурные трансформации общества как системы приводят к соответствующим изменениям в ряду тех или иных феноменов человеческого бытия. В данном случае не составляет исключения и идентичность, которая в современной интерпретации наделена определенной спецификой. Наша задача – попытаться спроецировать социокультурные особенности сетевой организации на новый "образ" идентичности.

Любая исследуемая проблема предполагает некоторую определенность исследуемого понятия, в данном случае понятия "идентичность" (с последующим анализом личностных и социальных трансформаций и возможностей идентификации при тех или иных социокультурных факторах, а также конкретной структурной организации общества).

Для начала отметим, что понятие идентичности является объектом исследования не только философии, но и логики, а также социогуманитарных дисциплин (в частности, социологии, антропологии, психологии). Это, однако, не ставит междисциплинарных "перегородок", о чем свидетельствуют последние работы по данной проблеме, отличающиеся тенденцией к универсализации указанного понятия и многочисленными точками соприкосновения.

---

¹ См.: Бердяев Н. Смысл творчества: опыт оправдания человека. Париж, 1985, с. 87–100.

² Цит. по: Леви В. Л. Искусство быть собой. М., 1977, с. 1.

Каково же определение идентичности? На этот вопрос, как, впрочем, и на многие другие, давались различные ответы. В частности, австрийский философ Франц Brentano определил идентичность как "соответствие, мыслимое в совершенстве"³. В книге современного исследователя Самюэля Хантингтона идентичность – это самосознание индивида или группы⁴. Можно сказать, что, несмотря на множество определений, мы не можем говорить об их противоречивости; они в известной степени дополняют друг друга и сосредоточены на тех или иных проявлениях самого процесса идентификации.

Феномен идентичности, будучи некоей квинтэссенцией человеческого, предполагает проявление темпоральности и соответственно, подобно человеческой жизни, не приемлет постоянства. Время – внутренний фактор жизни, и время требует изменений; в этом смысле время угрожает и постоянству собственного Я, которое иначе могло бы называться тождеством. Поскольку в жизни не может существовать постоянного Я, то его часто именуют самостью, то есть тем, что ты проделываешь в процессе собственного самоосмысления – сартровский "человек-ничто", сущность которого не в том, чем он уже является, а в том, чем он может быть⁵. Именно в данной самореализации и проявляется истинно человеческое, что вопреки множеству ограничений, приобретает реальность бытия. В таком случае тождество можно рассмотреть как идеальное понятие идентичности, к которому стремится человек; иными словами, идентичность есть самореализация в соответствии с определенной моделью или образцом (понимаемым как тождество).

В каком-то смысле, анализируя все представления об идентичности и учитывая темпоральность последней, можно сказать, что мы имеем дело со своего рода "заявкой о себе", ассоциируемой с условиями бытия. Именно те или иные условия, которые по своей сути достаточно динамичны, на каждом этапе жизненного пути (как отдельного человека, так и группы) выдвигают на первый план те или иные аспекты идентичности, выступающие средоточием "единственности" или же "подобия" в едином контексте социальности (в зависимости от личностного или коллективного срезов). Являясь одним из основных механизмов упорядочивания социальной реальности, идентичность предстает в качестве процессуального самоописания с определением собственного субъектного статуса: по сути идентичность, являющаяся "самопроектом", направленным на сущностную самореализацию, приобретает конструктивный характер.

Вышеупомянутая непротиворечивость определений отнюдь не предполагает однозначности самого процесса идентификации, продуктом которого и является идентичность. Суть в том, что построение собственного образа – достаточно сложный процесс, обусловленный множеством как психоэмоциональных, так и объективных факторов, которые придают самому "событию идентификации" запутанность и даже парадоксальность. В частности, один из

---

³ Brentano Ф. Избранные работы. М., 1996, с. 33.

⁴ См. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004, с. 50.

⁵ См. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989, с. 322–323.

парадоксов заключается уже в том, что определение идентичности сопровождается, с одной стороны, стремлением обозначить себя, что предполагает движение вразрез с миром, а с другой стороны, становление идентичности – это принятие определенных ценностных систем и собственное соотнесение с последними, что предполагает пути сближения с другими и преодоление трещин разделенности. Не исключено, что данный парадокс разрешим в контексте единения двух основных граней идентичности – личностной и коллективной (или групповой), посредством снятия оппозиции, что возможно лишь в результате переориентации понимания идентичности из данности вне процесса ее образования в действие или процесс. В подобном контексте личностная и коллективная идентичности уже выступают не как противостоящие полюса, а как стороны одного и того же процесса, два взаимодополняющих уровня – индивидуально-психологический и социально-культурный. Они не могут существовать друг без друга, ибо оба по происхождению социальны, а процессы, в рамках которых они формируются или трансформируются, аналогичны.

Каждое время и каждое общество характеризуется специфическими социокультурными ориентирами. Наш век не исключение, он внес свои коррективы в интерпретацию идентичности. Меняющийся социальный мир всегда актуализирует последнюю в соответствии с логикой собственного развития, согласно которой в процессе формирования любого нового социума множество индивидов и групп вынуждены искать и новое место. Можно сказать, что в наше время интерес к идентичности возрос именно в связи с разговорами о трансформациях в образе современного человека. Эти трансформации обусловлены ускоренными темпами развития техники и технологий, тенденциями к установлению в обществе сетевых отношений, а также ценностным плюрализмом в контексте постмодернистских исследований. Все представленное разнообразие новых проблем идентичности определено, в первую очередь, естественным процессом глобализации. Ее результатом и стала сетевая организация, затронувшая способы сохранения идентичности в контексте требований "принятия Другого". Конечно же, нужно выделить и виртуализацию, которая пополнила список основных "определителей" современной идентичности, внося дополнения в ряд ее источников (речь идет о виртуальной реальности как источнике новой "сетевой идентичности").

Чем обусловлена специфика идентификационных процессов в сетевом обществе? В системе определений последнего проблема идентичности рассматривается не просто как некая социокультурная производная общественных трансформаций, а как функция активного элемента сетевого конструкта. Не случайно теоретик сетевого общества Мануэль Кастельс связывает его зарождение с тремя основными процессами.

Во-первых, с революцией в области информационных технологий (дистанционные коммуникации, принципиально новые способы хранения и обработки информации, координированная индивидуализация работы, одновременная концентрация и децентрализация принятия решений и т. д.).

Во-вторых, "технологический фактор" обеспечил глобализацию видов деятельности, составляющих ядро экономики и тем самым возвестивших о

становлении "гибкого капитализма". Реорганизация системы в "информационный капитализм" предопределила рост инновационно ориентированной производительности и уже глобально ориентированной конкурентоспособности. Вместе с тем глобализационные процессы не могли не затронуть и этатическую систему с ее центром – нашим недалеким прошлым, Советским Союзом. Кризис этатизма, обусловленный спадом темпов экономического роста и военной мощи, выдвинул необходимость открыть доступ к информации и обратиться к гражданскому обществу. Последующие события возвестили крах этатизма и геополитическую однополярность. Таким образом, реорганизация капитализма и крах этатизма стали второй "структурообразующей" составляющей современных трансформаций.

Однако становление любого типа общества результат не только экономических и технологических процессов, но и социокультурных реорганизаций. В качестве третьего фактора становления сетевого общества Кастельс рассматривает расцвет социальных движений в 60-е годы прошлого столетия (либертарианизм, феминизм, защита окружающей среды и т. д.), которые были, по сути, не политическими, а культурными, ибо стремились не к власти, а к изменению жизни. Согласно Кастельсу, именно взаимодействие перечисленных процессов создает новую доминирующую социальную структуру, именуемую сетевым обществом⁶.

Перечисленные "структурообразующие" процессы легли в основу глобального сетевого капиталистического общества, о полной гомогенности которого говорить абсурдно, ибо культурное и институциональное разнообразие мирового пространства непреодолимо. Естественно, в условиях подобной реорганизации социальной системы возникает необходимость поиска самого себя и конструирования смыслов; именно с претензией на решение этой задачи в качестве организующего принципа и выступила идентичность. Автор теории сетевого общества отмечает, что упор на политику идентичности в процессе современных социальных трансформаций сделали именно указанные культурные движения, в контексте которых речь идет в первую очередь о новых "проективных" идентичностях, способствующих изменению общественной позиции, а значит, и всей социальной системы в целом. Однако подобная роль проективных идентичностей отнюдь не означает, что в сети новых отношений актуализируются лишь они. Тревожные поиски собственного образа, наряду с указанными новыми идентичностями, не отказывают ни идентичностям первичным, ни институциональным. Примером этому служит наша собственная история, когда крах этатической системы с потерей образа "советского человека" потребовал объединения вокруг идентичности национальной.

Поиски самого себя среди конструируемых смыслов в бесконечном ряду идентичностей предопределили один из основных парадоксов современности – синхронность глобализации и фрагментации общества, становление кастельсовской "биполярной оппозиции" между Сетью и Я. То есть в системе

---

⁶ См. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000, с. 50–55.

трех указанных "структурообразующих" процессов высвечивается некое "единство противоположностей": нарастает разрыв между глобальной деятельностью и обострившимся социальным разделением, обусловленным бесконечным множеством сообществ и включенностью в них. Данный парадокс предполагает ориентацию в системе ответов на вопрос, является ли становление единого социокультурного пространства имманентной характеристикой нынешнего миропорядка или последний складывается из множества наднациональных, национальных, этнических, религиозных, социально-групповых и индивидуальных идентичностей, взаимодействие которых порождает качественно новый социальный опыт⁷.

Отметим, что идентичность не просто собственный опыт, но и опыт другого. Современный мир значительно изменил образ Другого, что, конечно же, не исключило те или иные формы идентичности, однако переставило некоторые акценты, прежде всего, в сторону идентичности социальной. Здесь хотелось бы внести определенную конкретику в соотношение понятий коллективная и социальная идентичности. Мы уже обращались к обозначению коллективной идентичности в контексте сравнительного анализа с идентичностью личностной. В философской литературе часто коллективная идентичность выступает в качестве синонима социальной. Коллективная идентичность – вектор развития всех без исключения сообществ, некий определяющий комплекс представлений, обеспечивающий согласованность в проявлениях индивидуального и группового (фактор уже отмеченного нами "подобия"); практически все формы коллективной идентичности (национальная, этническая, религиозная, гендерная и т. д.) оказываются включенными и в границы идентичности социальной. Однако встречаются интерпретации, которые рассматривают социальную идентичность в одном ряду с перечисленными выше. То есть акцент делается на общественную функцию человека. При подобном подходе социальная идентичность выступает разновидностью коллективной, рамки которой оказываются сужены субъектно-ролевой соотносительностью.

На наш взгляд, оба подхода в равной мере оправданны. Но если включить в социальную идентичность остальные формы "коллективного самоопределения", то необходимо распределить последние в соответствии с двумя параметрами. Выделить, с одной стороны, сущностные, устойчивые идентичности, изначально данные человеку (тело, половая и этническая принадлежность и т. д.) и наиболее актуализированные в обществах традиционных, и, с другой стороны, идентичности, ориентированные на выбор. Конечно, в современном мире с его технологическими возможностями и морально-нравственными допущениями данное разделение также приобрело некоторую относительность, ибо человек все больше и больше выказывает себя существом "выбирающим" даже в своих отношениях с природой; речь идет о разного рода экспериментах, связанных с собственными биологическими константами (полом, телом). Однако в итоге природа всегда "берет свое" и не позволяет человеку преодолеть изначальную "данность", иначе философия уже перешла

---

⁷ См. Семененко И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // «Полис», 2001, № 1, с. 5–23.

бы от обсуждения сущностных трансформаций современного человека к вопросу его исчезновения как такового.

Таким образом, в системе социальной идентичности современное общество повернулось в сторону выбора, несколько дискредитируя кастельсовские "идентичности сопротивления". Помимо "перевеса" социальных идентичностей, за счет социокультурных особенностей сетевого общества и выхода на арену новых социальных групп меняются и сами социальные идентичности. Это связано с тем, что вне действия основных принципов и характеристик сетевой структуры процессы социальной идентификации отличались большей однонаправленностью и протекали в рамках иерархии доминирующих идентификационных общностей (вспоминая советское прошлое, заметим, что можно было бы выстроить ряд: народ, коллектив, семья). Ныне эта проблема особо актуальна, так как в трансформационной системе (находящейся пока еще на пути становления сетевой организации со всеми механизмами функционирования) происходит ломка социальных идентификаций основной части общества, что обусловлено глобальными социальными трансформациями. В связи с этим можно сказать, что на передний план выходит множество ранее маргинальных социальных групп. Естественно, что трансформации на социальном уровне получают свое продолжение на уровне индивидуальном и наоборот, что позволяет сделать вывод о возможностях трансформаций человеческой сущности.

Если вектор направлен на активизацию социально-ролевых идентичностей, то необходимо рассмотреть вопрос об их динамике. По своей природе они менее устойчивы, чем так называемые "сущностные" формы идентичности. Однако, помимо самой природы социальной идентичности, на ее динамику влияет и структура социальной системы, ее политико-экономические и социально-культурные определители. Современная ситуация характерно представлена З. Бауманом: "Сегодня в движение пришли не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки. Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека, в то время как лишь немногие, а то и никакие из возможных статусов оказываются достаточно надежными, чтобы можно было говорить о длительном пребывании в них. Те «места», о которых идет речь, напоминают «musical chairs» различных размеров и форм, во множестве появляющиеся в различных точках пространства и вынуждающие людей постоянно перемещаться, не зная ни отдыха, ни радости конца пути, ни ожидая никаких удобств в пункте назначения, где можно было бы опустить руки, расслабиться и перестать беспокоиться. Перспектива обречения «стабильного пристанища» в конце дороги отсутствует; быть в пути стало постоянным образом жизни индивидов, не имеющих (теперь уже хронически) своего устойчивого положения в обществе"⁸.

Глобализация и виртуализация как основные определители сетевого общества побудили современного человека к поиску общности практически во всех сферах: высокая коммуникативность, открытость, становление единого межкультурного пространства, рост гражданской активности как фактор вы-

---

⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002, с. 190.

сокого уровня социального капитала и трансформация межличностных взаимодействий побуждают к сближению. Причем оно наиболее заметно в системе социально-ролевых механизмов. При этом сущностные основания человека, кажущиеся вечными и неизменными и тоже, по сути, являющиеся формами коллективной идентичности, затерялись в потоке социально-ролевых отождествлений. Это и позволило Зигмунду Бауману уподобить смену современных идентичностей "смене костюмов".

Подобная ситуация предоставляет человеку широкий выбор самоопределения (чего нет в обществах традиционных), но вместе с тем создает некоторую размытость (которая менее заметна в тех же традиционных обществах, неизменно передающих свои ценности из поколения в поколение). Но, несмотря на унификацию жизненных условий, именно множественность социально-ролевых самоидентификаций предопределяет и процессы локализации, атомизации и фрагментации, о которых уже упоминалось и которые проявляются на всех уровнях социальной системы – от индивидуального до коллективного.

Примером фрагментации общества на индивидуально-психологическом уровне служит новая интерпретация социального одиночества – отдельная тема философского исследования. Это очередное проявление "биполярности" общества, когда в системе глобальных политико-экономических и социокультурных отношений теряется отдельный индивид. Причиной тому всё та же неоднозначность происходящего, в частности, в контексте новых коммуникационных форм. Известно, что проблема одиночества напрямую связана с коммуникацией. Коммуникационные возможности современного общества, о которых уже не раз упоминалось, принципиально изменили мир, связав нас во времени и пространстве. Однако, как оказалось, частота коммуникаций еще не фактор, способствующий преодолению одиночества, ибо столь же важен и ценен и способ коммуникации. В современном же социуме значительная доля коммуникаций приходится на киберпространство, от чего серьезно пострадало межличностное общение. То есть в ситуации, когда качество коммуникации заменяется ее количеством, ценность общения снижается, поэтому в современном мире общение часто служит синонимом обмена информацией. В результате одиночество, по сути, встроено в структуру мира, что приводит к максимальной изоляции человеческого Я. Соответственно человек ищет новую систему связей, строящейся вокруг реконструированной идентичности.

Что касается процессов локализации или фрагментации на коллективном уровне, то здесь примером служат отношения "Я – Чужой или Другой". Они реализуются в контексте трансформируемой ныне соотнесенности национального и социального, которая обусловлена новым уровнем межкультурной коммуникации, интерпретируемым такими терминами, как "глокализация" и "фрагрегация". Мы уже отметили, что одной из основных характеристик сетевого общества выступает множественность социальных групп, которая и определяет динамику идентичностей. Сдвиг в сторону социальной идентичности и динамика последних также толкает человека искать новую структуру связей, способную предложить сравнительно устойчивые системы этического и нрав-

ственного определения. Таковыми являются "традиционалистские" ценностные модели, основанные на национальных, этнических и религиозных факторах. Именно поэтому в наши дни наблюдается противостояние традиционных обществ мировой модернизации и глобализации. Соответственно как на социальном, так и на индивидуальном уровне гарантией устойчивости для многих становятся возрождаемые историко-этнических символы. Примером служит национальная идентичность, проявляемая в глобализационных процессах, которые, как оказывается, приводят не только к интеграции. Кастельс в связи с этим отмечает, что несмотря на распространение информации, производства, маркетинга и т. п., что, естественно, размывает границы между странами, "смерть в сети" национальному государству не угрожает: они могут ослабнуть, однако их роль останется значительной. Получается, что становление мирового сетевого сообщества не отрицает этнокультурных особенностей, наций и национальных государств. Рост этнического фактора (так называемое "этническое возрождение") в контексте "глобального и локального" стало приобретать особую значимость, и причина коренится в максимальной адаптивности всех участников глобализации⁹.

Итак, анализ современной идентичности, а точнее, идентичности "сетевого человека" демонстрирует крайнюю разнонаправленность современной "политики самоопределений". Это часто ведет к кризису экзистенциального опыта, обусловленному утратой гармонично выстроенной идентичности и нарушениями баланса в ее структурной иерархии. Можно сказать, что кризис идентичности вбирает в себя основные определители "конфликта времени" и демонстрирует сложности и противоречия общественных трансформаций.

В современном сетевом обществе проблема идентичности предопределена именно расширением возможностей ее выбора, что никак не сопоставимо с обществом традиционным, в котором границы идентичностей изначально предопределены. Возможно, в этом одно из проявлений "сетевой свободы". Однако открытым остается вопрос, что из себя представляет подобное освобождение: переход ли это от идентичностей "более высокого порядка" к идентичностям, основанным на частных, личных интересах, или же здесь, наряду с переходом на так называемый личностный уровень, парадоксально артикулируется общечеловеческое (в первую очередь, в системе экзистенциального сосуществования).

В ситуации неопределенности человеку требуется самоопределиться. Причем самоопределение в дальнейшем приходится воспроизводить и осуществлять заново, поэтому постоянные идентификационные процессы вполне оправданны. Тем не менее, в зависимости от того, насколько наше самоопределение соответствует собственному выбору, настолько мы ближе к обретению своего Я. И насколько мы нацелены на "ситуационное самоопределение", настолько заменяем наши сущностные определители презентационными (меня тем самым идентичность на самопрезентацию).

Таким образом, в современных условиях поиск идентичности и выявление ее оснований в соответствии с требованиями времени стал центральным вопросом, ибо опять-таки вспомним, что "в исторический период, характери-

---

⁹ См. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004, с. 136.

зумый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, именно идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются"¹⁰. То есть в настоящее время значимость проблемы идентичности возрастает не только в силу ее философского смысла, но и потому, что идентичность сама стала призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важнейшие черты социальной структуры.

Сетевое общество, выступающее в рамках как глобализационных интегрирующих процессов, так и фрагментирующих тенденций, предложило как минимум два вектора. С одной стороны, изменение традиционного уклада жизни, сопровождаемое нарастанием динамики социальных идентичностей, с другой – спровоцированная неконтролируемостью и хаотичностью изменений стимуляция адаптационных защитных механизмов в контексте сопротивления сущностных идентичностей, что придало ситуации конфликтность и кризисность. Конечно, внутренняя "разноплановость" фрагментации, с одной стороны, позволяет осуществить потребность в сохранении человечества в современных условиях, но вместе с тем усложняет процессы отождествления с теми или иными ценностными системами.

Нельзя утверждать, что конфликтность и неопределенность наших дней поставили под угрозу существование идентичности, но они трансформировали характер ее становления. Множественность траекторий "сетевых потоков" придала новый смысл идентичности, сдвигающий акцент с постановки проблемы, "всегда стоявшей перед паломниками – "Как попасть туда-то?" на вопрос, с которым каждодневно сталкиваются бродяги, а именно "Куда мне идти? Куда заведет меня дорога, по которой я иду?... "¹¹. Иными словами, проблема, мучающая людей, состоит уже не столько в обретении собственной идентичности, сколько в правильном или даже, как бы странно это ни звучало, своевременном выборе последней.

Социокультурная динамика современного общества, исключая прямолнейность ориентации, подвергает очередному испытанию сетевого человека, ставя его перед выбором "своего", цивилизационного и "чужого". Между тем разнообразие социокультурных ландшафтов в "безвременном времени и безграничном пространстве потоков" продолжает обогащать мозаику нашего выбора, провоцируя внутреннюю противоречивость и обнаруживая "гибридную" идентичность.

ԿՐԻՆԵ ՅԱՐԱԼՅԱՆ – Նույնականացման գործընթացների փոխակերպումը ժամանակակից ցանցային հարաբերությունների համատեքստում – Հասարակական համակարգի կառուցվածքային փոխակերպումները հանգեց-

---

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000, с. 492.

¹¹ Бауман З. Указ. соч., с. 185–192.

նուն են մարդկային կեցության այս կամ այն ֆենոմենի փոփոխությանը, որոնց շարքում կենտրոնական տեղ է զբաղեցնում նույնականությունը: Հոդվածում նույնականությունը դիտարկվում է ներկա ցանցային հարաբերությունների որոշիչ գործընթացների՝ համաշխարհայնացման և վիրտուալացման համատեքստում: Արդյունքում ձևավորվում է ժամանակակից «ցանցային մարդու» նոր կերպար, որն առանձնանում է իր «բազմաբևեռությամբ», ներքին հակասականությամբ և «հիբրիդային» ինքնության դրսևորմամբ:

KARINE YARALYAN – *Transformation of identification processes in the context of modern network interrelations.* – Structural transformations of the society system result in modifications of various phenomena of human existence, human identity being the central one. The publication examines the identity in the context of key processes of modern network interrelations, that is to say, in the context of globalization and virtualization. As a result, new vision of modern "network human being" featured by inner contradictions, "multipolarity" and "hybrid" identity is being formed.